

За чужими
ОКНАМИ

*Юлия
Лавряшина*

**Простить
нельзя
ПОМИЛОВАТЬ**

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии и иллюстрация
на переплете *П. Петрова*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Простить нельзя помиловать : [сборник] /
Юлия Лавряшина. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 320 с. — (За чужими окнами).

ISBN 978-5-04-093037-1

У нее была благополучная семья — заботливый муж и двое детей. У нее были любимая профессия и обустроенный дом... Но одна-единственная встреча перевернула всю прошлую жизнь. Последовав за любимым, Маша оставила за спиной все, что было у нее раньше. Разве женщина не имеет права на счастье?! Разве она виновная, а не жертва? Нуждается ли она в прощении? Или в жалости?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093037-1

© Лавряшина Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Темное эхо

роман

Глава 1

— **А** можно устроить на Новый год факельное шествие!

Перед глазами заколыхалось огненное марево, и Мишка едва не зажмурился. Его воображение создавало другую реальность мгновенно, на время вытесняя знакомый мир и вырисовывая ее многообразием ярких красок. Мальчик даже не догадывался, что другие люди не умеют видеть *так*. Сотни нетерпеливо подрагивающих, рвущихся куда-то огоньков вытянулись неровной цепью, высвечивая в домах, знакомых уже двенадцатый год, новые черты.

Увиделось, как криво ухмыляются окна, за которыми, казалось, прячется что-то страшное... Как металлические морды подъездов холодно скалятся, заманивая в темноту, что была их сущностью... А растопыренные мерзлые ветки тянутся прямо к огненным глазам окон, не боясь опалить себя...

— Нет, вообще-то лучше без факелов, — пробормотал он, не решившись поднять глаза на Стаса.

Тот, может, и не разглядел всей жути этой ночи, зато всегда замечал, когда с Мишкой что-то не так...

— Конечно, не надо, — снисходительно заметил брат. — А то папа тебе голову оторвет, если пожар устроишь!

— Папа не оторвет!

Стас нехотя согласился:

— Ну, не оторвет. Он этого и не умеет, добрый слишком... Таким всегда не везет. Запомни!

Мишка оглянулся, хотя отца не было дома, и спросил шепотом:

— Она не звонила?

— Я с ней и разговаривать бы не стал, — отрезал Стас. Глаза у него стали похожи на стеклянные шары. — Ушла и ушла. Нечего к нам лезть.

— Она не ушла, а уехала, — зачем-то сказал Мишка, хотя и сам понимал, что это ничего не меняет.

Старший брат посмотрел с той насмешливой снисходительностью, от которой внутри у Мишки все вскипало, как в серебристом высоком чайнике, что появился у них после маминого отъезда. Отец всеми способами пытался отвлечь сыновей от происходящего в семье, как сорок отвлекают ярко-блестящей шутовщиной...

— Без разницы!

Лицо у Стаса сделалось грустным и длинным — так случалось всякий раз, когда разговор касался их матери. Правда, перемена приходила не в первый же миг, когда он ощетинивался со всей непреклонностью семнадцати лет, а спустя минуту, позволявшую больше никому не доказывать, как же он презирает эту... Ее...

«Они в жизни ее не простят». Мишка попытался сглотнуть эту мысль, но она так и застряла в горле. Он испугался, что сейчас брат спросит о чем-то таком, на что он не сможет дать ответ.

Но Стас лишь небрежно бросил:

— Ну, ладно...

Не продолжая разговора, он быстро ушел в свою комнату. Мишка же остался в своей, отыскивая, чем бы заняться. Побродив из угла в угол несколько ми-

нут, взял недочитанную книгу Крапивина, чтобы спокойно поразмышлять, делая вид, будто читает, и никого не беспокоя тем состоянием оцепенения, в которое так хотелось погрузиться. Он не часто позволял себе думать о маме, потому что мысли эти были острыми, от них в груди все болел...

...В тот вечер родители заперлись на кухне, а Мишка подслушивал их разговор из своей комнаты, приставив к стене банку. Обычно он подобного не делал, но на этот раз глаза у мамы стали словно чужие, и он сжался от страха перед неожиданно поселившимся в ней новым чувством. Видимо, оно и ей самой казалось настолько ужасным, что им с братом нельзя было об этом знать.

Поначалу разговор между родителями, голоса которых шелестели, как бумага, показался ему самым обычным — о новой работе, которую маме предлагали. Чего в этом страшного? Но следом Мишка понял: речь идет о переезде в другой город. Только он и сам не понял — испугался этого или нет.

«Зато директором на местном телевидении назначат — это же здорово!» Он все силился понять, отчего в голосах обоих родителей появились нотки непереносимой муки?

А потом было произнесено имя какого-то Матвея, который займется маминым будущим, и Мишке сразу все стало ясно. Ладони увлажнились, и банка, через которую он слушал разговор, опасно заскользила, норовя грохнуться на пол. Тут же промелькнула мысль: «А током не шарахнет?» И понял, что нарочно отвлекает себя этой глупостью от чего-то уже непоправимого, выпущенного родителями наружу. Только много дней спустя Мишка задумался над тем, каково же им обоим было жить с осознанием неизбежной разлуки.

«С какой стати мальчики должны ехать с тобой? Их дом, почва здесь, незачем вырывать их с корнем из родной земли!» — голос у отца стал скрипучим, как у старика. Мишке захотелось крикнуть, что не таким он должен быть, когда нужно уговорить родного человека остаться рядом! Неужели папа не помнит, он сам учил его, Мишку, этому? И вдруг понял: уговаривать никого не приходится, мама даже не протестует. Это просто игра в слова. Отец вынужден был озвучить то, что ей было не по силам самой сказать вслух.

Мишка поставил банку на пол и забрался в постель. Потом залез под одеяло с головой и часто задыхался, но все равно не смог согреться. Наверное, потому, что в сентябре отопление в квартире еще не подключили. Но с тех пор прошло уже больше двух месяцев, а он все так и не согрелся.

Строчки в книге Крапивина плясали перед глазами. С этим Мишка уже сталкивался: буквы внезапно становились жидкими, как медузы, и начинали ползать по странице, налезая друг на друга. Удерживаясь, чтобы не шмыгнуть носом, ведь брат тут же услышит, Мишка быстро вытер глаза и мысленно отругал себя басом: «Здоровый пацан! А нюни развел, как маленький». Почему-то, пытаясь кого-то укорить, всегда напрашивается сравнение с кем-то более слабым...

Ему вспомнилось, как папа сказал по телефону: «Ради бога, не изображай Анну Каренину!», и Мишка понял, что звонит мама. Хотя кто такая Анна Каренина, он знал только понаслышке, ведь этот роман был о любви, а ему такие книжки казались скучными. Мама, правда, говорила, что там есть глава о лошадиных скачках, но не будешь ведь читать целую книгу

ради одной главы! Зато он слышал, чем закончилась эта история, даже анекдоты на эту тему бытовали, поэтому он сразу испугался за маму.

Мальчику захотелось перезвонить ей тайком и запретить даже думать об Анне Карениной и сравнивать себя с ней. Но в тот день Мишка так и не остался дома один, а еще через день уже побоялся напомнить матери о том, что может случиться что-то настолько страшное, как в романе Толстого. Может, она уже и вовсе забыла о разговоре с отцом...

Иногда она успевала позвонить, когда Мишка возвращался из школы раньше Стаса. Но если брат уже оказывался дома, то приходилось просто молча отключать трубку, и мама не перезванивала. А в этом месяце не звонила вообще, хотя целую неделю Мишка просидел дома с простудой и мог бы разговаривать с ней хоть целый час, не опасаясь, что кто-то об этом узнает и осудит его.

У мальчишки, о котором писал Крапивин, мама как раз была, а вот отец погиб. Мишка подумал, что это ничуть не лучше. И еще — с горечью — о том, что мир устроен как-то однобоко: всегда чего-то ты оказываешься лишен. Если родители на месте, так болячка какая-нибудь прицепится или в школе зашпыняют...

Он закрыл книгу, на чтении которой все равно никак не мог сосредоточиться, и, повернув голову, посмотрел в окно. Уже начался декабрь, но снега еще было мало, и папа все откладывал обещанную прогулку на лыжах. Не бороздить же ими по земле, в самом деле! Правда, сегодня с утра разошлась метель, и когда Мишка возвращался из школы, ему кололо щеки холодом.

Эти самые щеки его просто бесили! Они до сих пор были пухлыми, как у младенца, и сколько бы

Мишка ни поднимал гантели и ни подтягивался на турнике, установленном в коридоре, на них это никак не сказывалось. Мама говорила, что, увидев его в первый раз, он сразу же показался ей похожим на игрушечного медвежонка из ее детства, поэтому она и назвала его Мишкой.

— А Стасик был похож на таракана, — ехидно добавлял он, если брата не было поблизости.

— Не болтай! — пресекала его мама. — Стас у нас просто красавец... А ты — мое теплое солнышко. Самое яркое и светлое.

«Я не скучаю по ней, — упрямо сказал себе Мишка, наблюдая, как ветер подхватывает с земли едва осевший снег, не давая ему возможности слезаться как следует. — Чего мне скучать? У меня вон и папа, и Стас рядом... А у нее один этот Матвей. Пусть они купаются себе в своих деньгах, хоть захлебнутся ими!»

На самом деле он, конечно, этого не желал. И если бы мама на его глазах действительно попала в беду, Мишка сделал бы все возможное, чтобы ей помочь. Но она, видимо, больше доверяла этому Матвею... Говорили, будто он так богат, что купил для мамы телевидение, но Мишке не очень-то в это верилось. Неужели у человека действительно может быть столько денег?

Однажды он сделал для себя неприятное открытие: если взять первые слоги от имени Матвей и от ее — Мария, то как раз и получится «МАМА». А с папиным именем, Аркадий, составлялось что-то пугающее, звучащее по-военному. Может, поэтому у них и не сложилось?

— Не болтай! — строго сказал он себе маминым голосом. — Придумал же...

Вытащив из ящика стола заготовки для картонного самолета, Мишка принялся вырезать оставшиеся детали, нашептывая, что это будет настоящая военная техника. Надо только покрасить его поярче, а то он какого-то непримечательного болотного цвета. Может, так и лучше для маскировки, но зато некрасиво...

«Если она приедет на Новый год, я подарю самолет ей! — эта мысль успела обжечь радостью прежде, чем он придушил ее на корню. — Очень он ей нужен... Она его и домой потом не довезет даже, помнет весь в дороге. Лучше Стасу... А еще лучше — себе оставлю. Стасу все равно уже игрушки не интересны».

— А папа когда придет? — спросил он громко, чтобы брат услышал его вопрос из своей комнаты.

Тот отозвался недовольным голосом:

— Не знаю. А чего тебе? Есть, что ли, хочешь?

— Да нет. Я так...

— Придет и придет. У него встреча со спонсором. Если их лаборатории дадут деньги, он свою новую работу сможет закончить.

В отличие от брата, Мишка не слишком хорошо разбирался в том, чем именно занимается отец. Но большой машиностроительный завод разработками папиной лаборатории очень даже интересовался, и время от времени отец получал от них суммы, казавшиеся Мишке гигантскими. Только их почему-то все равно ни на что не хватало... Отец говорил про свои заработки, что они вымазаны в машинном масле, поэтому прямо-таки выскальзывают из рук.

«А у Матвея, видно, не выскальзывают. Интересно, в чем вымазаны они?» — противно было то, что мысли постоянно возвращаются к этому человеку, которого Мишка даже ни разу не видел. По какому-то неведомому праву тот вошел в их жизнь и развел их

с мамой по разным городам... Мишка и представить себе не мог, как теперь собрать всех воедино, хотя с младенчества поражал всех способностью справляться с любым, даже самым сложным, конструктором. Только в воссоединении семьи эти навыки были бесполезны.

Он повторял себе вновь и вновь: «У меня есть папа и Стас», но одиночество, которому Мишка не мог дать определения, заливало его изнутри, будто он был пустотелым шоколадным человечком, который никому не в радость.

Ножницы непослушно вихлялись в руке, норовя разрезать важную деталь фюзеляжа поперек. Ее, конечно, можно было потом склеить, но Мишка выходил из себя, когда что-то получалось не так, из-за этого мог бросить полностью всю затею. Практически все у него всегда получалось так, как надо, и это уже стало вполне естественным. Только в последнее время удача от него отвернулась.

Глава 2

«Выключить свет? — подумал Аркадий, даже не тронувшись с места. — Может, розоватые лучи утреннего солнца уже достаточно набрались силы, чтобы можно было разглядеть на бумаге эти странные, придуманные каким-то арабом значки? Он сам назвал их цифрами? Почему он нарисовал каждую так, а не иначе? И почему все человечество подчинилось его прихоти? Кроме римлян, пожалуй, но и они сдались... Вот оно — арабское владычество в действии! Господи, какая ерунда лезет в голову...»

Не шевелясь, Аркадий смотрел на чайно-золотистую портьеру, которую надо было отодвинуть, что-

бы впустить в комнату утро, еще пока не разбудившее сыновей. Проснувшись, он всегда передвигался по квартире тише кошки, половицы от шагов которой вечно скрипели, хотя она весила всего кило девятьсот. Аркадий знал это наверняка, ведь на днях мальчишки снова затолкали Нюську на кухонные весы. Взглянув на них, Стас деловито подытожил:

— Да еще минусуем около ста граммов какашек, она еще на горшок не ходила.

Нюська мрачно смотрела на них с пластикового поддона весов глазами убийцы, вдруг почувствовавшего тягу к своему поприщу, и все сильнее прижимала уши, становясь похожей на затаившуюся в листве рысь. Морда у нее была такой узкой и вытянутой, что казалось, будто кошка постоянно к чему-то принюхивается. Аркадий незаметно для ребят загородил собой младшего сына, ведь если б Нюська вздумала броситься на одного из них, то, конечно, жертвой выбрала бы Мишку. Его самого, как отца семейства и главного в доме, она очень любила, а Стаса побаивалась — он мог свернуть ей шею одним ударом, и кошка хорошо это понимала. Такое чутье свойственно всему женскому полу.

— Во всех нормальных семьях отцы уходят, а не матери, — однажды в разговоре с братом бросил Стас, уверенный, что папа не слышит. — У нас все не как у людей!

Однако, поразмыслив, добавил: «Ну и ладно, лучше быть не как все». После этого случая Аркадий так и не смог отделаться от мысли: сыновья предпочли бы, чтобы в этом их семья не отличалась от остальных.

Заметив, что Аркадий не занят работой, Нюська легко вспрыгнула ему на колени и вопросительно муркнула. Они часто разговаривали так — каждый на